

МЕДИАТЕКСТ И МЕДИАДИСКУРС

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/26188422/16/5

«СССР» и «советское»: репрезентация и рефлексия исторической памяти в современном литературно-краеведческом журнале

Софья Борисовна Владимирова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, sophie77@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования массива текстов литературно-краеведческого журнала на предмет определения в нем практик репрезентации и рефлексии исторической памяти о советском прошлом. Исследовано 67 выпусков журнала, из которых выделено 1 204 контекста для речевой единицы «советский» и 365 контекстов для речевой единицы «СССР». Методом качественного и количественного контент-анализа определено динамическое распределение негативных, нейтральных и позитивных контекстов речевой единицы «советский», обозначены наиболее распространенные варианты концептуализации советского прошлого через контексты использования речевой единицы «СССР».

Ключевые слова: СССР, советская эпоха, литературно-краеведческие журналы, репрезентация прошлого, рефлексия, историческая память

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

Для цитирования: Владимирова С. Б. «СССР» и «советское»: репрезентация и рефлексия исторической памяти в современном литературно-краеведческом журнале // Вопросы журналистики. 2024. № 16. С. 78–94. doi: 10.17223/26188422/16/5

Original article

doi: 10.17223/26188422/16/5

**“USSR” and the “Soviet”: Representation and reflection
of historical memory in a modern literary and local history journal**

Sofia B. Vladimirova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
sophie77@mail.ru

Abstract. The article presents the results of analyzing a corpus of texts from a literary and local history journal to explore how historical memory of the Soviet past is represented and reflected. A total of 67 issues of the literary and local history journal *Nachalo Veka* [Beginning of the Century] were analyzed. This journal is published by the Tomsk Branch of the Union of Writers of Russia and is supported by the Administration of Tomsk Oblast. The journal primarily publishes works of fiction by Tomsk and Siberian authors, along with journalism, historical and local history essays. From the texts published in the journal, 1 204 contexts for the speech unit “Soviet” (in all grammatical forms) and 365 contexts for the speech unit “USSR” were identified. Using the method of qualitative and quantitative content analysis, the dynamic distribution of negative, neutral and positive contexts of the speech unit “Soviet”, as well as the most common variants of conceptualization of the Soviet past through the contexts of using the speech unit “USSR” were determined. The results of the study showed that the most frequently occurring phrases in the studied texts are “Soviet power”, “Soviet Union”, “Soviet person/Soviet people”, and the evaluations of these phenomena range from sharply negative to sharply positive. For example, “Soviet power” is portrayed as cruel and at the same time as fair to people. In addition, “Soviet” can signify both “poor quality” and “high quality”. The dynamic distribution of contexts indicates a growing number of positive mentions of “Soviet” over time, accompanied by a decline in negative mentions. The number of neutral contexts remains relatively unchanged. These dynamics can be interpreted as a result of growing nostalgic public sentiments reflected in local literature and journalism or as part of a broader process of reflecting on the past. The content analysis of the speech unit “USSR” revealed its conceptualization in three main ways: (a) as a belligerent state; (b) as a repressive state; (c) as a state of high culture. At the same time, the collapse of the USSR is evaluated negatively, viewed as a tragedy attributed to both external and internal circumstances. The reflection of the historical past in the texts of the literary and artistic journal is as contradictory as in other sources, and is sometimes built on antitheses. The ambiguity of assessments speaks not only of the pluralism of opinions among the journal’s authors but also of the relatively open editorial policy of *Nachalo Veka*, allowing the free expression of diverse aspects of historical memory on its pages.

Keywords: USSR, Soviet era, literary and local history journals, representation of past, reflection, historical memory

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

For citation: Vladimirova, S. B. (2024) “USSR” and “Soviet”: Representation and reflection of historical memory in a modern literary and local history journal. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 16. pp. 78–94. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/16/5

Рефлексия советского прошлого в современном российском обществе представляет собой междисциплинарную проблему, включающую в себя исторический, культурологический, социальный, психологический и другие аспекты. Социальные и политические трансформации последних десятилетий сформировали устойчивую почву для всесторонней рефлексии ушедшей исторической эпохи, разительно отличающейся от эпохи современной; в рефлексии включаются не только люди, заставшие советскую эпоху, но и более молодое поколение, чья сознательная жизнь пришлась на 1990-е или даже на «нулевые» годы, т.е. все слои постсоветского общества. Т. С. Злотникова и А. А. Кузин пишут об этом так: «Уже установлен неослабевающий интерес к советскому бытию со стороны многих людей, принадлежащих к разным поколениям, выявлены проявления ностальгии у молодых (в большей степени, чем у взрослых и пожилых), обнаружены признаки забвения отдельных фактов и людей и, наряду с этим, наличие эмоционально острого, словно не удаленного на несколько десятилетий ощущения событий» [1. С. 165–166].

Безусловно, столь массовый социальный процесс, активно выражающийся, помимо прочего, в публичных дискуссиях и закрепляющийся в письменном виде в самых различных дискурсах, не мог не стать предметом интереса ученых. Н. Н. Зильберман и Н. А. Мишанкина пишут, что интерес (к советскому. – С. Б.), возникший в начале нулевых как форма культурной иронии <...> быстро приобрел характер массовой рефлексии, что, в свою очередь, получило отражение в рефлексии научной [2. С. 40]. Упомянутая рефлексия уже исследована на материале интернет-сообществ [2], в текстах средств массовой информации, причем не только российских (см., например, [3] и [4]), наконец, в художественной литературе [5]. Несмотря на кажущуюся разрозненность отдельных исследований рефлексии советского и относительную новизну – в историческом смысле – данной тематики, учеными уже были

сделаны определенные выводы, причем равно справедливые для разного эмпирического материала. Так, большинство исследователей рефлексии советского отмечают противоречивость оценок, или, как обобщает Н. С. Смолина, «отношение к недавнему прошлому у постсоветского человека довольно противоречиво: советское наследие либо отвергается, либо становится предметом ностальгического умиления» [6. С. 155]. Однако следует отметить, что на фоне стремительно меняющейся новостной повестки, продолжающихся социальных потрясений и множества возможностей для выражения авторской рефлексии, не в последнюю очередь благодаря развитию средств массовой коммуникации, исследования рефлексии советского остаются актуальными, в особенности в динамическом аспекте. Кроме того, нельзя отрицать специфику конкретных исследуемых источников как фактор вариативности рефлексивных и репрезентационных практик. Продолжая ряд уже существующих исследований, мы обращаемся к такому источнику, как современный «толстый» литературный журнал, в нашем случае его подтип – литературно-краеведческий журнал, с целью определить характерные для данного типа издания практики репрезентации и рефлексии исторической памяти об СССР и советском прошлом.

Литературно-художественный журнал, или, как его еще называют за большой объем, «толстый» литературный журнал, представляет собой специфический жанр периодической печати, в котором «преобладают литературно-художественные произведения всех жанров, что, однако, не исключает материалов общественно-политического характера, призванных оказывать на читателя эстетическое и идеологическое воздействие» [7. С. 192–193]. Оставляя за рамками данной статьи длинную и богатую историю русских литературных журналов, берущую свое начало в середине XVIII в. [8. С. 5], вкратце обозначим лишь современное положение данного типа изданий.

А. М. Вичкитова, говоря о роли «толстых» журналов в современном литературном процессе, упоминает, что «в 1990-х годах, столкнувшись с рыночными условиями, она (литература. – С. Б.) значительно деградировала как культурное образование. Журналы – вчерашние флагманы литературного процесса – остались без финансирования и впали в глубокий кризис. Большинство региональных журналов закрылись, московские и петербургские приобрели статус закрытых акционерных обществ и перешли на самообеспечение, которое стало практически

невозможным» [9. С. 69]. Однако, несмотря на вышесказанное, некоторые «толстые» журналы, в том числе региональные, продолжают свое существование как в печатном, так и в электронном виде. Кроме того, и современные «толстые» журналы, и журналы, не пережившие кризис 90-х гг., однако оставшиеся в виде бумажных или оцифрованных архивов, продолжают привлекать внимание ученых и становятся ценным эмпирическим материалом в различных исследованиях. Специфика «толстого» журнала такова, что, являясь периодическим изданием, он содержит в себе значительное количество художественных текстов – наряду, впрочем, с публицистикой и попадает одновременно в фокус журналистских и литературоведческих исследований. В. А. Капустина утверждает, что при исследовании «толстых» журналов необходимо применять методы, интегрирующие историко-литературные и историко-журналистские подходы [10. С. 68]. Это не отменяет и иного, лингвистического подхода к данным изданиям. Массив текстов, опубликованных в средствах массовой информации (например, в одном и том же источнике или в разных источниках за один временной период), часто используется в качестве материала для дискурс-анализа, например, в работах Н. Фэркло [11] и Т. ван Дейка [12]. Отдельные аспекты конструирования исторической памяти изучаются исследователями на материале текстов СМИ также с применением лингвистических методов исследования (см., например, работу [13]).

Несмотря на то, что «толстый» литературный журнал является по своему содержанию достаточно специфическим средством массовой информации, он, безусловно, представляет собой более чем ценный источник информации об исторической памяти в силу соединения в нем двух типов текстов: художественного и публицистического. В уже упомянутой выше работе К. К. Султанов пишет, что «о многих художественных повествованиях удельный вес “неизжитого прошлого” как составляющей процесса самоидентификации занял столь заметное место, что впору говорить об особом темпоральном режиме функционирования исторической памяти, которая, не укладываясь в конкретные временные рамки, позиционирует себя как “вечный двигатель” межпоколенческой коммуникации и национального самосознания [5. С. 304]. Д. М. Соболев в статье «Литературный текст и проблема исторической памяти» пишет, что с аналитической точки зрения литературный текст является носителем гораздо более аутентичного и научно значимого

исторического знания – по сравнению не только со «школьной» историей, но и с традиционными историческими исследованиями [14. С. 60]. Не менее значима и публицистическая составляющая. Так, П. П. Каминский, анализируя рефлексии советской эпохи в публицистике В. Астафьева и С. Залыгина, отмечает, что в публицистике осуществляется рациональное осмысление, всесторонняя интерпретация ушедшей эпохи во всем множестве ее практик (идеология, политика, экономика, социальные отношения, нравственность и культура, повседневность и т.д.) [15. С. 141]. Таким образом, массив текстов художественно-публицистического журнала представляется нам значимым источником информации о репрезентации и рефлексии отдельных аспектов исторической памяти.

Говоря непосредственно о томских литературно-художественных изданиях современного периода, следует упомянуть три наиболее значимых: литературно-краеведческий альманах «Сибирские Афины», выходивший как самостоятельное издание с 1994 по 2007 г. под редакцией томского поэта А. И. Казанцева и имевший различные источники финансирования от выпуска к выпуску; альманах «Каменный мост», выпускавшийся с 2004 по 2015 г. Томским региональным отделением Союза российских писателей, отличавшийся большим объемом (до 468 страниц) и нерегулярностью выхода номеров; наконец, существующий с 2007 г. по настоящее время литературно-краеведческий журнал «Начало века», выпускаемый Томским отделением Союза писателей России при поддержке администрации Томской области. Журнал выходит ежеквартально, начиная с 2007 г. и по настоящее время. Объем одного номера составляет 160 страниц. Журнал публикует художественные произведения преимущественно томских и сибирских авторов, а также публицистику, исторические и краеведческие очерки.

Исследуя хронотопические доминанты дискурса «Сибирских Афин», мы отметили, что литературная и краеведческая составляющие альманаха хронотопически тяготеют к прошлому, активно рефлексирова различные исторические события, в основном XX в.; публицистическая же составляющая концентрируется на текущем моменте, освещая различные события культурной жизни города [16]. «Начало века», несмотря на иной тип издания и другой состав редколлегии, остается журналом, активно рефлексирующим историческое прошлое, что отмечают и его читатели. «Если всмотреться в хронологические рамки,

видно – журнал “Начало века” настойчиво приглашает читателя оглянуться назад. Все его прозаические опыты обращены к событиям прошлого <...>. Прошлое, без которого нет будущего, хранит опыт переживания драматических событий, учит, внушает веру в торжество добра и справедливости. Лишь бы память не подвела», – так пишет об одном из номеров журнала за 2019 г. куратор томского литературного клуба «Автограф» Ольга Никиенко [17].

Таким образом, журнал «Начало века» представляется нам достаточно перспективным источником для изучения репрезентации и рефлексии исторической памяти, в том числе и в динамическом аспекте: история журнала охватывает поздние «нулевые», «десятые» и уже прошедшие «двадцатые» годы XXI века. В качестве эмпирического материала были использованы 67 выпусков журнала, размещенных в оцифрованном виде в разделе «Электронная библиотека» сайта Томской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. Основными методами исследования были выбраны количественный и качественный контент-анализ. Методом сплошной выборки из массива текстов журнала были выделены контексты употребления речевых единиц «СССР» и «советский» (последняя – во всех грамматических формах). Всего было исследовано 1 204 контекста для речевой единицы «советский» и 365 контекстов для речевой единицы «СССР», однако процедура анализа несколько отличалась. Так, большое количество контекстов для речевой единицы «советский» позволило определить динамическое распределение негативных, нейтральных и позитивных контекстов начиная от «нулевых» годов и заканчивая «двадцатыми». Подсчет велся в процентном соотношении, так как число выпусков, выпущенное в разные десятилетия, значительно отличалось. Кроме того, мы отметили наиболее распространенные негативные и позитивные контексты использования речевой единицы «советский».

В свою очередь, значительно меньшее количество контекстов для речевой единицы «СССР», а также частое ее использование в составе онимов в нейтральном контексте не дало релевантных результатов для определения негативных и позитивных контекстов. Однако анализ контекстов этой речевой единицы продемонстрировал различные варианты концептуализации, т.е., по определению Н. Н. Болдырева, варианты осмысления поступающей информации, мысленного конструирования предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных

в сознании человека единиц знания) [18. С. 22] об СССР как о государстве, как об историческом, социальном и культурном феномене.

Рассмотрим нейтральные, позитивные и негативные контексты использования речевой единицы «советский». В первую очередь нас интересовала сочетаемость прилагательного «советский» с различными существительными. Наиболее популярными словосочетаниями оказались «советская власть» (241 контекст), «Советский Союз» (180 контекстов) и «советский человек / советские люди» – 45 контекстов. Результаты подсчетов говорят о том, что «советская власть» оказывается наиболее часто репрезентуемым феноменом, обгоняя по числу употреблений даже устоявшийся оним «Советский Союз». Примечательно также, что именно «советская власть» в большинстве случаев представляется в негативном контексте, как нечто жестокое, например: *«Куна Советская власть отблагодарила за труды по-свойски: в 1938 году он был арестован и расстрелян»*; *«и жили они хорошо, да вот беда, пришла советская власть»*. Однако встречаются и обратные случаи, когда советская власть представляется как некая сила, способная возвысить, наградить человека, но только лояльного к ней: *«В древней книге сказано: настанет на земле Савей (?) и разделит землю даром. Это про советскую власть было сказано – а кто мог тогда угадать»*; *«Сын рабочего и крестьянки, он был типичным представителем русского народа, которого советская власть подняла, что говорится, “из грязи в князи”»*. В других лексических сочетаниях негативный контекст связан с плохим качеством объектов, относящихся к советской эпохе, что иногда рефлексировалось даже напрямую: *«Казалось, жанр публичной пощечины хамству навсегда остался в безликих советских газетах»*; *«И сегодня нередко можно услышать, что “советское” есть синоним недоброкачественного»*.

Как ни парадоксально, позитивные контексты использования данной речевой единицы связаны, напротив, с высоким качеством жизни в советское время и отдельных ее аспектов, например: *«Сама по себе идея советской жизни выше всяких похвал»*; *«Здесь большую помощь может оказать и советская педагогика»*. Кроме того, советское время рефлексировалось как ностальгически-прекрасное: *«Здесь в советское время был замечательный дом отдыха, детские лагеря»*; *«На улице ранняя весна. Тренировка проходила как обычно. Чудесные советские времена – народу много-много»*.

Такие же противоречивые оценки даются советскому человеку / советским людям: с одной стороны, советский человек репрезентируется как человек несвободный, подневольный, не имеющий хорошего качества жизни: *«В том помогали ему книги – отреченные, то есть **запрещаемые к чтению советским людям**»*; *«А сами-то вы больно ли счастливы? Ведь и у вас там добыча на-гора' все растет, и **советские люди живут все лучше и лучше? То-то и оно, что плакать охота**»*. С другой стороны, советский человек представляется как человек героический, стойко противостоящий врагам и трудностям: *«К тому времени вышло немало разного уровня произведений **о подвиге советских людей на фронтах Великой Отечественной войны**»*; *«империалисты и милитаристы **хотят нарушить счастливую жизнь советских людей, вы должны ударным трудом крепить мощь нашей социалистической родины**»*.

К нейтральным контекстам мы отнесли использование речевой единицы «советский» в составе различных онимов, а также контексты без ярко выраженной позитивной или негативной окраски: *«1 232 сибиряка стали Героями **Советского Союза**, 76 из них – томичи»*; *«При **советской власти** был инициатором создания, а затем директором Томского краевого музея»*.

Рассмотрим процесс изменения количества позитивных, нейтральных и негативных контекстов речевой единицы «советский» по десятилетиям. В «нулевых» годах (с 2007 по 2009 г.) вышло 10 выпусков журнала, из текстов которых мы выделили 232 контекста использования речевой единицы «советский», из них количество нейтральных контекстов составило 138 (59,4 %), негативных – 73 (31,4 %), позитивных – 21 (9 %). Для наглядности мы представили результаты в виде диаграмм (рис. 1–3).

Контексты

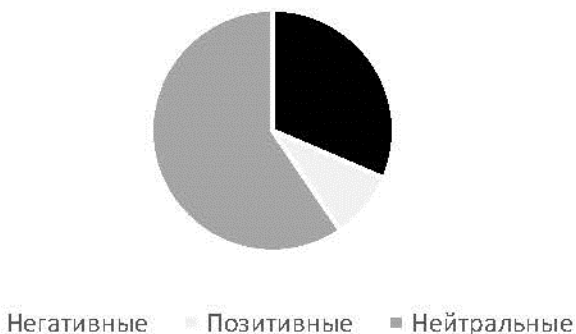

Рис. 1. Контексты реч. ед. «советский» в 2007–2009 гг.

В «десятих» гг. (2010–2019) вышло 39 номеров журнала. Из представленных в них текстов мы выделили 701 контекст использования речевой единицы «советский». Из них 393 (56 %) были нейтральными, 152 (21,6 %) были негативными, 156 (22,2 %) были позитивными (рис. 2).

Контексты

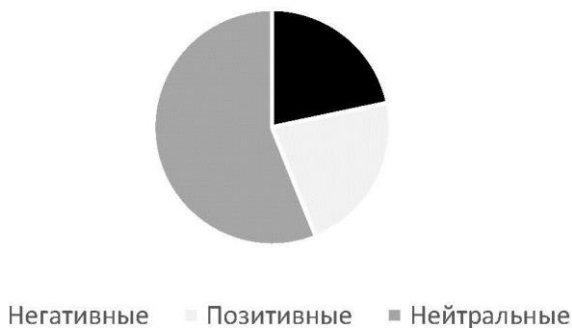

Рис. 2. Контексты реч. ед. «советский» в 2010–2019 гг.

В «двадцатых» годах (2020–2024) вышло 18 номеров журнала «Начало века». Из текстов мы выделили 271 контекст использования

речевой единицы «советский». Из них 130 (47,9 %) были нейтральными, 56 (20,6 %) были негативными, 85 (31,3 %) были позитивными (рис. 3).

Рис. 3. Контексты реч. ед. «советский» в 2020–2024 гг.

Как видно из подсчетов, на протяжении всего времени существования журнала в его текстах сохраняется достаточно частое обращение к «советской» теме. Из десятилетия в десятилетие незначительно изменяется количество нейтральных контекстов использования речевой единицы «советский», однако растет количество позитивных контекстов и уменьшается количество негативных (в процентном соотношении), т.е. чем дальше в прошлое уходит советская эпоха, тем более позитивный ее образ вырисовывается на страницах журнала. Как пишет О. В. Молчанова, «ностальгирующий человек переписывает то, что он считает историей, зачастую используя “искусство забывания”. Привлекая все новые источники для своих воспоминаний, он постепенно замещает их имитациями реальности. В результате такой человек начинает мыслить шаблонами, реставрируя стереотипные факты прошлого, что выдает реставрационный модус его ностальгии» [19. С. 58].

Далее мы представим анализ контекстов речевой единицы «СССР». Как уже было указано выше, при анализе данной языковой единицы мы определяли только варианты концептуализации СССР и их частотность по всему массиву текстов журнала «Начало века».

Так, наиболее часто СССР концептуализируется и репрезентируется как «осажденная крепость», т.е. воюющее государство, окруженное врагами: *«СССР же заявлял, что считает эти слухи провокацией, рассчитанной на вовлечение СССР в военный конфликт с Японией»; «В США засуетились: надо срочно подвергнуть СССР атомной атаке, пока русские не изготовили достаточное количество бомб. <...> Русские уже успели произвести двадцать атомных бомб, которыми вооружены мощные бомбардировщики, постоянно барражирующие в районе дальневосточных границ СССР»* (всего 87 контекстов). Второй по популярности концепт – «СССР – репрессивное государство»: *«Вот почему я вижу в этих полутора годах особый период в истории страны и самого государственного террора в СССР»; «По мере обострения отношений между СССР и Германией быть немцем в СССР становилось все более небезопасно: в конце 1930-х г. за пределами АССР НП были закрыты все национально-территориальные образования...»* (всего 32 контекста). Третий по частотности вариант концептуализации, по-видимому, связан со спецификой литературно-художественного журнала, в публицистике которого часто поднимаются темы, связанные с государственной культурой. «СССР – “самая читающая страна в мире”, страна высокой культуры»: *«...интеллигенции в России никогда не было слишком много. Это СССР воспитал потом огромную культурную прослойку, которая со временем стала истончаться». «Не говорю уж о необычайной популярности в СССР многих зарубежных произведений о войне: Эрнест Хемингуэй “Прощай, оружие!”, Эрих Мария Ремарк “На Западном фронте без перемен”, Анри Барбюс “Огонь”, Матэ Залка “Добердо”... Только побывав в Праге, узнал, что в Чехословакии “Похождения бравого солдата Швейка” Ярослава Гашека пользуются куда меньшей популярностью, чем в СССР в годы моей юности»* (всего 19 контекстов).

Отдельно следует отметить, как в исследованных текстах концептуализируется факт распада СССР. Во всех случаях упоминания этот исторический факт оценивается негативно, как трагедия, в которой виноваты в том числе внешние обстоятельства: *«Что бы там ни несли про мировой заговор против СССР, причины его падения – внутренние, хотя ЦРУ, конечно, не зря ело свой хлеб. Страна съела свои внутренние ресурсы (и вовсе не природные, их в достатке) – ее “элита” неизбежно разложилась, сгнила, а ее населению решительно надоело жить во лжи и насилии. И все рухнуло самым позорным образом»;*

«Начали с ниспровержения Пушкина, а теперь ниспровергают русскую классическую литературу и русскую культуру в целом. <...> Сперва расправились со Сталиным, потом с КПСС, далее с СССР, а теперь долбят Россию. Одна метода!». Примечательно, что при исследовании массива текстов альманаха «Сибирские Афины» мы отмечали практически полное игнорирование факта распада СССР: авторы обращались либо к текущему моменту, либо к более ранним историческим событиям, в числе которых также военные конфликты и государственные репрессии. Вероятно, это связано с тем, что последствия распада СССР авторам удалось оценить и осмыслить в своих произведениях лишь «на дистанции», а не «по горячим следам».

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что рефлексия исторического прошлого – в данном случае советской эпохи – в текстах литературно-художественного журнала так же противоречива, как и в других источниках, и порой строится на антитезах: советский человек несвободен и находится в страхе перед террором, однако он же способен на подвиг и живет счастливой жизнью; советская власть жестока и несправедлива, однако она же способна возвысить дух своего гражданина; советский быт состоит из «некачественного», однако это «некачественное» по прошествии времени представляется «старым добрым», ностальгически прекрасным.

Распад СССР концептуализируется как трагическое событие, однако и его оценка тоже противоречива: на страницах одного и того же журнала СССР представляется то как безжалостное репрессивное государство, то как «самая читающая страна в мире», и при этом вынужденная бороться с массой внешних противников. Такая неоднозначность оценок, безусловно, говорит не только о плюрализме мнений в среде авторов журнала (опытных и начинающих писателей, поэтов, публицистов), но и о достаточно демократичной политике редколлегии «Начала века», допускающей на его страницах свободное изъяснение различных аспектов исторической памяти.

Однако нельзя не отметить и динамику негативного и позитивного в описании советской эпохи: имеется четкая тенденция к формированию более позитивного образа. Феномен такой динамики можно трактовать по-разному: как следствие роста ностальгических общественных настроений, отразившихся в локальной литературе и публицистике; как подъем интереса к советской истории, отразившийся на тематических тенденциях локального краеведения; в целом как часть

глобального процесса рефлексии прошлого, ведь, как известно, человеческая память склонна блокировать негативные воспоминания, оставляя позитивные, возможно, это же касается и памяти исторической, которую в художественной литературе зачастую подменяет частная авторская ностальгия.

Список источников

1. Злотникова Т. С., Кузин А. А. Советское бытие: рефлексия по материалам гранта РНФ // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121). С. 158–167.
2. Зильберман Н. Н., Мишанкина Н. А. «Советское» в рефлексии пользователей интернет-сообществ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 39–56.
3. Тубалова И. В., Филь Ю. В. Содержательная интерпретация «Советского» в дискурсах российских и чешских СМИ // Русин. 2016. № 3 (45). С. 33–48.
4. Резанова З. И. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ // Язык и культура. 2008. № 3. С. 63–71.
5. Султанов К. К. Репрезентация прошлого как доминирующий фактор самоидентификации в литературе постсоветского периода // Studia Litterarum. 2016. № 1–2. С. 302–321.
6. Смолина Н. С. Тема «советского» в социально-философском дискурсе 2000-х: проблематизация коллективной идентичности постсоветского человека // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 154–161.
7. Типология изданий / Научно-исследовательский институт книги; сост. В. С. Агриколянский. М. : Книжная палата, 1990. 231 с.
8. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. «Толстый» журнал в России как текст и сверхтекст // Известия УрГУ. 1999. № 13. С. 5–13.
9. Вичкитова А. М. Роль «толстых» журналов в современном русском литературном процессе // Социологическое обозрение. 2016. № 3. С. 68–90.
10. Капустина В. А. Методология изучения региональных литературно-художественных журналов // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2005. № 4-1. С. 68–72.
11. Fairclough N. Media discourse. London: Arnold, 1995. 214 p.
12. Dijk T. van. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies. Houndsmills : Palgrave MacMillan, 2008. 256 p.
13. Друговеико К. О. Дискурсивные механизмы конструирования исторической памяти (на материале текстов российской и латвийской прессы) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 115–123.
14. Соболев Д. М. Литературный текст и проблема исторической памяти // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 4. С. 60–66.

15. Каминский П. П. Рефлексия советского в публицистике В. Астафьева и С. Залыгина 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 141–149.

16. Владимирова С. Б. Хронотопические доминанты в дискурсе литературного альманаха «Сибирские Афины» на рубеже XX–XXI веков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 6: Журналистика. С. 120–130.

17. Никиенко О. Свежий номер журнала Томской писательской организации «Начало века» // Томская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина. URL: <https://old.lib.tomsk.ru/page/20239/> (дата обращения 08.10.2024).

18. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та. 2001. 123 с.

19. Молчанова О. В. Искусство забывания, или ностальгия по советскому мифу // Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 17 (79). С. 57–64.

References

1. Zlotnikova, T.S. & Kuzin, A.A. (2021) Sovetskoe bytie: kolektivnaya refleksiya po materialam granta RNF [Soviet existence: collective reflection based on the materials of the RSF grant]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4. pp. 158–167.

2. Zilberman, N.N. & Mishankina, N.A. (2017) “Sovetskoe” v refleksii pol’zovatelej internet-soobshchestv [The “soviet” in reflection of online community users]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 39–56.

3. Tubalova, I.V. & Fil, Y.V. (2016) Soderzhatel’naya interpretaciya “sovetskogo” v diskursakh rossiyskikh i cheshskikh smi [The content interpretation of the “sovetskiy” in the Russian and Czech media discourses]. *Rusin*. 45. pp. 33–48.

4. Rezanova, Z.I. (2008) Transformacii sovetskikh stereotipov i mifologem v diskurse regional’nykh SMI [Transformations of soviet stereotypes and mythologemes in the discourse of regional mass media]. *Yazyk i kul’tura – Language and Culture*. 3. pp. 63–71.

5. Sultanov, K.K. (2016) Reprezentaciya proshlogo kak dominiruyushchij faktor samoidentifikacii v literature postsovetskogo perioda [Representation of the past as the major factor of self-identity in post-soviet literature]. *Studia Litterarum*. 1-2. pp. 302–321.

6. Smolina, N.S. (2009) Tema “sovetskogo” v social’no-filosofskom diskurse 2000-kh: problematizaciya kolektivnoj identichnosti postsovetskogo cheloveka [“Soviet” theme in the social and philosophical discourse of the 2000s: problematisation of collective identity of a post-soviet person]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 97. pp. 154–161.

7. Agrikolyanskij, V.S. (1990) *Tipologiya izdaniy* [Typology of publications]. Moscow: Knizhnaya palata.

8. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (1999) "Tolstyy" zhurnal v Rossii kak tekst i sverkh tekst [Thick magazine in Russia as text and supertext]. *Izvestiya UrGU – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 13. pp. 5–13.
9. Vichkitova, A.M. (2016) Rol' "tolstykh" zhurnalov v sovremennoy russkoy literaturnoy protsessy [The Role of Literary Magazines in the Russian Contemporary Literary Process]. *Sotsiologicheskoye obozreniye – Russian Sociological Review*. 3. pp. 68–90.
10. Kapustina, V.A. (2005) Metodologiya izucheniya regional'nykh literaturno-khudozhestvennykh zhurnalov [Methodology for studying regional literary and artistic magazines]. *Vestnik VolGU. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh – Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*. 4-1. C. 68–72.
11. Fairclough, N. (1995) *Media discourse*. London: Arnold.
12. van Dijk, T. (2008) *Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies*. Houndmills: Palgrave MacMillan.
13. Drugoveyko, K.O. (2014) Diskursivnye mekhanizmy konstruirovaniya istoricheskoy pamyati [Discursive mechanisms of forming historical memory (on the basis of the texts from Russian and Latvian press)]. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 3. pp. 115–123.
14. Sobolev, D.M. (2013) Literaturny tekst i problema istoricheskoy pamyati [Literary Text and the Problem of Historical Memory]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 4. pp. 60–66.
15. Kaminskiy, P.P. (2011) Refleksiya sovetskogo v publicistike V. Astaf'eva i S. Zalygina 1990-kh [Reflection of the Soviet in the journalism of V. Astafiev and S. Zalygin in the 1990s]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal. Philology*. 13. pp. 141–149.
16. Vladimirova, S.B. (2024) Hronotopicheskie dominanty v diskurse literaturnogo al'manakha "Sibirskie Afiny" na rubezhe XX–XXI vekov [Chronotopic Dominants in the Discourse of the Literary Almanac "Siberian Athens" at the Turn of the 20th–21st Centuries]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 6. pp. 120–130.
17. Nikienko, O. (2024) *Svezhiy nomer zhurnala Tomskoy pisatel'skoy organizatsii "Nachalo veka"* [The latest issue of the Tomsk Writers' Organization magazine "Nachalo Veka"] [Online] Available from: <https://old.lib.tomsk.ru/page/20239/> (Accessed: 08.10.2024).
18. Boldyrev, N.N. (2014) *Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Tambov: Tambov State University.
19. Molchanova, O.V. (2011) Iskustvo zabyvaniya, ili nostal'giya po sovetskomu mifu [The skill of forgetting or nostalgia for soviet myth]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya – RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*. 79. pp. 57–64.

Информация об авторе:

Владимирова С. Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sophie77@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S. B. Vladimirova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sophie77@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 12.12.2024.*

*The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 12.12.2024.*